

УДК 070(091):821.161.1
ББК 76.005.2:83.3(2=441.2)53

НАРОДНИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Олеся Александровна Козлова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена особенностям восприятия и интерпретации литературного и публицистического творчества Л.Н. Толстого народническими журналами начала 80-х годов – «Русским богатством» и «Устоями». На материале публицистических и литературно-критических статей Н.Н. Златовратского, А.М. Скабичевского, С.А. Венгерова и др. автор рассматривает в том числе и общественно-политическую, литературно-критическую позиции народнических изданий.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Русское богатство», «Устой», народничество, литературная критика, демократическая журналистика.

В конце 70-х – начале 80-х годов позапрошлого века народническая журналистика переживала непростые времена. Издания народнического направления, испытывая финансовые трудности, не выдерживая конкуренции с более крупными и авторитетными журналами, были вынуждены закрываться или переходить от одного собственника к другому. Одними из самых ярких и идеологически цельных по своим народническим убеждениям были артельное «Русское богатство» (1880–1881) и «Устой» (1881–1882).

Журнал «Русское богатство», основанный на принципах равноправия и совместного сотрудничества критиков и публицистов, стал выходить с января 1880 года. Инициатором создания артели был С.Н. Кривенко. Как отмечал Б.П. Козьмин, «в артели Кривенко усматривал прообраз будущего, более высокого по типу, чем современный, строя общественных отношений, и потому выступал горячим проповедником всякого рода артельных начинаний» [3, с. 408]. В артель вошли знаковые публицисты, критики, литераторы своего времени А.М. Скабичевский, М.А. Протопо-

пов, Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, П.В. Засодимский и др. Редактором издания избрали Н. Н. Златовратского.

Народническое направление обновленного «Русского богатства» наиболее четко проявлялось в отделе публицистики и литературной критики. Сотрудники журнала поднимали вопросы общинной жизни, рассуждали о судьбах русского крестьянства.

Программой для нового журнала стала статья Н.Н. Златовратского «Народный вопрос в нашем обществе и литературе» (Русское богатство. 1880. №3, 5, 6). Публицист, подчеркивая необходимость скорейшего решения «народного вопроса», упрекает современных литераторов в их интересе лишь к внешним, бытовым сторонам крестьянской жизни. Именно литература, по его мнению, виновата в том, что в обществе стали появляться «антимужицкие настроения» «Она, – убежден Златовратский, – никогда не была в состоянии подняться до того высокого синтеза, в котором мужик должен явиться логически неизбежным элементом в мышлении и сознании общества; она не могла внести в головы читателей идеи о кровной и

неразрывной связи того и другого: она трактовала мужика по большей части только как «податную единицу», надельную душу, или, если и силилась говорить вообще о мужицкой душе, то в таких общих, славянофильско-туманных и бессодержательных фразах, что в уме читателя мужик опять-таки оставался чем-то посторонним, требующим постоянного гуманного сочувствия и содействия – и только» (Русское богатство. 1880. № 3. 2-я паг. С. 27). Одной из задач «Русского богатства» Златовратский считал исследование народных идеалов, «душевных переживаний», крестьянских мыслей и чувств. «Мы постараемся сделать мужика таким же интересным для наших читателей, как интересен он для нас», – заявил публицист (Русское богатство. 1880. № 3. 2-я паг. С. 26).

Одно из концептуальных положений, высказанное Златовратским в статье, касалось миссии интеллигенции в деле народничества. «... Никогда ей (интеллигенции. – О. К.) не сделать ничего для «народного вопроса», пока она не решит прежде всего свой вопрос, вопрос интеллигенции, вопрос о правах ума и образования, пока не вооружится она орудиями, соответствующими той великой задаче, какую она хочет поднять» (Русское богатство. 1880. № 3. 2-я паг. С. 19). Для того, чтобы «образованный класс» смог последовательно выполнить свое предназначение (сотрудники журнала видели его в достижении «слияния» идеалов и интересов интеллигенции с общинными интересами и идеалами простого народа. – О. К.) необходимо, с точки зрения Златовратского, добиться для него политических свобод и прав [2, с. 156].

Общественно-политические взгляды сотрудников народнического издания находили отражение и в литературно-критических публикациях. С этих позиций оценивались все литературные явления, в том числе произведения Л.Н. Толстого. В первом же номере «Русского богатства» была опубликована статья А.М. Скабичевского «Разлад художника и мыслителя» (Русское богатство. 1880. № 1), посвященная «Анне Карениной».

Критик и ранее обращался к творчеству Толстого. Еще в 1872 году в «Отечественных записках» он разместил статью «Граф Лев Толстой как художник и мыслитель» (Отечественные записки. 1872. № 8, 9). Рассматривая «Войну и мир», он не стремился противопоставить

Толстого-художника Толстому-мыслителю. Скабичевского волновало отрицательное, с его точки зрения, влияние мистицизма и фатализма писателя на его художественное творчество в целом. В «Русском богатстве» при оценке «Анны Карениной» критик, напротив, настаивает на «разладе», существующем между художником и мыслителем. «Я не помню другого такого произведения, – пишет он, – в котором художник находился бы в подобном же антагонизме с мыслителем, как роман гр. Л. Толстого... Мыслитель говорит одно, а художник представляет вам совсем другое, мыслитель требует, чтобы художник так вот и так иллюстрировал его идею, а художник берет, да и мажет кистью перед вами совершенно наперекор мыслителю. Но, так как художник в тысячу раз и сильнее, и правдивее мыслителя, то он его кладет в лоск» (Русское богатство. № 1. 2-я паг. С. 3). Доказывая свой тезис, Скабичевский предлагает сопоставить сначала «что хотел сказать нам автор, как мыслитель», а потом «посмотреть, что сказал он нам, как художник».

Во взглядах писателя, по словам Скабичевского, преобладает «московско-культурный абсентеизм на подкладке славянофильства», мистицизм и «туманное» народолюбство. Вся суть романа «Анны Каренина», убежден критик, состоит в том, что единственное спасение для русского человека – «быть самим собой, жить бесхитростно и непосредственно, как создала его природа, твердо держась основных культурных начал» (Русское богатство. № 1. 2-я паг. С. 4). Это возможно только в случае мужика-крестьянина или в случае столбового дворянина-помещика, всю жизнь занимающегося сельским хозяйством в своем имении. Как только человек отходит от своей культурной почвы, «таинственные силы Провидения» вооружаются против него «своим страшным гневом». Вот то, что хотел сказать Толстой-мыслитель, Толстой же художник, уверен Скабичевский, «пошел своей дорогой» и привел читателя к совершенно иным выводам, диаметрально противоположным основной мысли романа. Так, благодаря стараниям художника «лучшие представители своей среды, оказываются вдруг чуть что не хуже худших», а эти самые худшие вызывают сочувствие и жалость. Например, Константина Левина Толстой-мыслитель преподносит как «положительный

тип для примера и поучения», а Толстой-художник, в свою очередь, рисует «жалкое ничтожество и никуда негодную тряпку»: «легковесная увлекаемость каждым минутным влиянием и отсутствие всякого упорства в преследуемой цели» (Русское богатство. № 1. 2-я паг. С. 23).

Больше симпатии у Скабичевского вызывают типы Карениной и Вронского: «...Люди, способные с такой непосредственной полнотой отдаться любви, с не меньшей цельностью пожертвовали бы собою и всякой другой, более высокой страсти, если бы они могли увлечься ею при иных условиях жизни и среды» (Русское богатство. № 1. 2-я паг. С. 22).

Трактовка «Анны Карениной», предложенная Скабичевским на страницах «Русского богатства», по замечанию Н. А. Горбанева, «не была поддержана другими представителями народнической критики 70–80-х годов: одними – в силу очевидного упрощения проблемы, другими – из-за критического отношения к отдельным утопическим сторонам мировоззрения писателя» [1, с. 11].

Силу художественного таланта Толстого признавал и М.А. Протопопов. Анализируя повесть В. Крестовского (Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской), литературный критик «Русского богатства» между прочим замечает: «На его палитре (Крестовского. – О. К.), говоря фигурально, нет таких ярких красок, какие имеются у графа Толстого» (Русское богатство. № 3. 2-я паг. С. 2).

В марте 1881 года из-за крайне затруднительной финансовой ситуации и ряда других причин литературная артель «Русского богатства» распалась, таким образом, издание просуществовало около полутора лет [3, с. 409–412]. За относительно недолгий период существования творчеству Толстого в журнале была посвящена лишь статья Скабичевского, которая интересна не столько для характеристики позиции издания, сколько для выявления эволюции взглядов самого критика, все более склонявшегося к народнической эстетической доктрине.

После фактического распада артели «Русского богатства» попытку выпускать на тех же началах новое издание предпринял историк литературы и литературный критик С.А. Венгеров. В декабре 1881 года вышел первый номер журнала «Устои».

В «объяснительной записке», поданной Венгеровым при прошении разрешить выпускать свой журнал, он подробно изложил программу будущего издания. Главная задача, стоящая перед нынешним поколением народников, видится Венгерову в тщательном изучении «народной души», народных интересов, стремлений, желаний. На смену западническому и славянофильскому направлениям общественной мысли, которые, по его мнению, слишком поверхностно смотрели на народ, – приходит «новое направление», лишенное «утопий и фантазий», придерживающееся фактов реальной действительности [4, с. 151].

К сотрудничеству Венгеров пригласил большую часть публицистов и литераторов «Русского богатства». Вместе с редакционным коллективом издание приобрело характерные черты народнической прессы. «Не высказывая деталей своей программы, – писал С. Н. Кривенко во «Внутреннем обозрении» журнала, – мы, однако, очень определенно высказываемся за народническое направление, за сочувствие всему тому, что клонится к народной пользе» (Устои. 1882. № 2. 2-я паг. С. 149).

Опираясь на специфику «нового направления», Венгеров формулировал в своих статьях основные задачи беллетристики и литературной критики. Еще в журнале «Слово», он опубликовал статью «На смену. Беллетристы-дебютанты» (Слово. 1880. № 1, 2-3), где обстоятельно доказывал необходимость замены «публицистической» критики «синтетическим» методом. Цель критики, убежден автор, сводится к простой констатации разных направлений и течений литературного творчества, а не к «чтению писателям морали» (Слово. 1880. № 2-3. 2-я паг. С. 107). О том же говорит и Скабичевский в первом номере «Устоев», подчеркивая, что тенденциозная критика и беллетристика «отжили вместе с философскими 60-ми годами» (Устои. 1882. № 1. 2-я паг. С. 93).

В рецензии на «Деревенские будни» Златовратского (Устои. 1882. № 3-4) Венгеров обращает внимание на то, что изображением народной жизни занято уже третье поколение отечественных беллетристов. Но, к сожалению критика, к подлинному знанию мыслей и чувств простого крестьянина литература нисколько не приблизилась.

К первому поколению Венгеров относит «колоссов художества» – И.С. Тургенева,

Л.Н. Толстого, А.Ф. Писемского. В сравнении с ними беллетристы 60–70-х годов «таланты менее крупные», однако, они «таланты более ценные». «Прежние писатели, – размышляет Венгеров, – задавшись благородной и высокой целью отыскать в мужике человека, проглядели в нем мужика... Эти художники сочиняли и исторические народные эпопеи, и современные романы, дали нам массу мужицких фигур... Но все эти фигуры есть типы, преломившиеся через дилетантски барскую наблюдательность, с ее непониманием тех сторон народной жизни, которые не имеют себе аналогии в жизни интеллигентных классов» (Устой. 1882. № 3-4. 2-я паг. С. 131, 133). С точки зрения Венгерова, современные писатели-народники – Г. Успенский, Н. Златовратский, Н. Наумов – «совсем приблизились к полному воспроизведению народной жизни», к «точному воспроизведению всех крестьянских мелочей». Главная их черта и она же их достоинство – осознание «почвы, на которой стоит простой народ», понимание того, что крестьяне – «мирские, общинные люди», что все они «родятся, живут и умирают в своеобразных условиях общинного быта» (Устой. 1882. № 3-4. 2-я паг. С. 131, 133).

Преимущества общинного землевладения как наиболее совершенной формы устройства крестьянской жизни были очевидны для редакции «Устоев». Именно община, по мысли сотрудников нового народнического издания, способствует формированию в крестьянах высоких нравственных качеств, отличающих их от других классов общества. При этом народ в «Устоях» не идеализируется. Показателен очерк Я. Абрамова «В степи» (1882. № 1). Автор, устами своего героя, с горечью и разочарованием говорит о проникновении в деревню «духа коммерции», искажающего все крестьянские обычаи и привычки, уничтожающего типичный уклад жизни, деревенские «устои». Мужики любым путем стремятся получить «копейку». Венгеров проводит очевидную параллель с очерком Г. Успенского «Малые ребята» (цикл «Из памятной книжки»), опубликованным в нескольких номерах «Отечественных записок» за 1880 год. Повествуя о неудачном опыте господина Полумракова, приехавшего в деревню «набираться нравственности» от простых крестьян,

а в результате, жестоко в них разочаровавшись, Успенский, однако, не спешит делать пессимистических выводов: нельзя смиряться и, подобно Полумракову, опускать руки. Задача «образованного человека», по его мнению, «идти к народу»: «не все у народа заимствовать, ...надо и для него поработать». Тем более, что общество, проявляя полнейшее безразличие к нелегкой судьбе деревни, само подтолкнуло крестьян к «холодному, бесчеловечному взгляду на людские отношения» (Устой. 1882. № 3-4. 2-я паг. С. 22).

Скабичевский, публиковавшийся в «Устоях» под псевдонимом «Алкандров», вспоминал, что когда-то со страниц «Отечественных записок», он резко критиковал Г. Успенского за его разоблачительные очерки и жесткие оценки крестьянской жизни. Теперь же он и сам видит, как сильно «расшатались деревенские устои»: «Я не отрицаю существования у нас очень твердых и незыблемых устоев, не надо и говорить о том, что устои эти следует искать в народе, в смысле массы крестьян-земледельцев, которыми все держится на Руси и на которых, как на столбах гранитных, держится и сама Русь. Но нельзя в то же время упускать из внимания, что и в народе замечается в свою очередь хаотическое брожение, исхода которого никто не может предвидеть. Не доказывают ли нам все наши лучшие исследователи народного быта, – продолжает Скабичевский, – что патриархальной общине грозит распадение, новая община на рациональных началах находится в состоянии, совершенно еще не определившемся; семейный быт распадается; религиозные верования представляют новое и сложное явление целого ряда сектаторских движений; одна часть народа бросает землю и бежит в города, наполняя их массами городского пролетариата, другая часть готова сейчас же забрать весь свой скарб и, покинув родные пепелища, идти за тридевять земель искать благодатных стран с медовыми реками и кисельными берегами» (Устой. 1882. № 1. 2-я паг. С. 77–78).

Скабичевский опубликовал в «Устоях» целую серию литературно-критических статей «Жизнь в литературе и литература в жизни». Современная литература, считает критик, глубоко специфична. На содержание, на эстетику литературных произведений серьезно повлияли «хаос» и «исключительная динамика»

жизни. В результате беллетристика 80-х годов приобретает публицистический характер. Эту тенденцию Скабичевский замечает в том числе и у «наиболее выдающихся и руководящих талантов, каковы – гр. Л. Толстой, Салтыков, Гл. Успенский». Если раньше литераторы имели дело с «явлениями установившимися», «хорошо всем известными», то современный беллетрист оказался куда в более сложном положении: «Он постоянно имеет дело с такими новыми и неведомыми явлениями, которые не только читателю неизвестны, но и для самого его представляют ряд загадок. Вследствие этого он пребывает в непрестанном страхе, что его не поймут или не поверят ему; для него недостаточно лишь показывать, а необходимо, кроме того, разъяснять. В то же время, он не только изображает, а изучает предметы, о которых пишет... Иной раз, – заключает критик «Устоев», – произведение, вместо того, чтобы давать вам какие-либо положительные ответы, является наполненным одними вопросительными знаками» (Устои. 1882. № 1. 2-я паг. С. 80).

По мнению Скабичевского, настолько же «смутен», «неопределен» в современной литературе и тип «положительного героя времени». Отдельные его черты можно встретить в рассказах беллетристов-народников 80-х годов – Г. Успенского, Златовратского, – однако «полного образа наша литература еще не представила». Автор вообще сомневается, возможно ли в настоящее время выполнение «этой важной и трудной задачи» (Устои. 1882. № 6. 2-я паг. С. 67).

Неопределенность, неустойчивость в русской общественной жизни конца XIX века, поиски «прочного живого идеала» обусловили массовое обращение представителей нового поколения к «христианским проповедям» современных философов – Вл. Соловьева и Л. Толстого. «Дело в том, – поясняет Минский в статье «Новое слово» г. Соловьева», – что душа русской молодежи в последнее время вконец истомилась, истосковалась и, как манны небесной, жаждет обобщающего слова. Идеалы шестидесятых годов оказались узкими, идеалы семидесятых годов – практически почему-то неосновательными, и вот молодежь с горьким тяжелым опытом двух поколений на душе стала на распутье и ждет нового слова, и ищет новых путей. Для

молодежи, и вместе с тем для всего нашего развития, настал критический момент, имеющий глубокое значение... Настоящее поколение, нуждается в слове, которое бы обобщило дело в идеале, который бы упорядочил и осветил нашу деятельность, в руководителях, которые бы шли вперед» (Устои. 1882. № 2. 2-я паг. С. 137). Однако такими «руководителями», по убеждению редакции, не способны быть ни Соловьев, ни Толстой. Их «проповеди» может и «трогают душу», но не предлагают решений наболевших вопросов и проблем.

Признавая, что Толстой «целой головой поднимается над нашими моралистами и художниками», Минский с искренним сожалением вспоминает неудачные попытки яснополянского просветителя, «переодевшегося в крестьянское платье и с Евангелием за пазухой», найти правду. «Тут, – пишет он, – чувствуешь биение пульса иной правды, не выдуманной, а настоящей, животрепещущей, начинающейся с нужного конца... Но при всем том на мучительные вопросы современной тоскующей души речь гр. Толстого не дает ответов» (Устои. 1882. № 2. 2-я паг. С. 146). Писатель призывает работать на людей и с этим никто не спорит. «Но как работать? А если те, на которых работаешь, почему-либо отвергают тебя и твою работу?», – с горечью спрашивает публицист-народник.

Публицисты и критики журнала «Устоев», как и сотрудники других народнических изданий, считали, что «образованной» части общества по силам вывести крестьянскую массу из критического положения. Однако в отличие от представителей радикального «Дела», призывавших «цивилизованное меньшинство» во что бы то ни стало вести за собой «нецивилизованное большинство», Венгеров и его соотарищи прекрасно осознавали, что главная «беда народничества» в том, что простой народ «не понимает интеллигенцию, сторонится ее» (Устои. 1882. № 9-10. 2-я паг. С. 89).

Общее упадническое настроение редакционного коллектива «Устоев» можно почувствовать, прочитав последние строки статьи Минского: «...Всего и свету, что надежда; но ведь ею сыт не будешь; за одну только ее и цепляешься, вися над бездной; благодаря только ей, тоска в отчаяние не переходит. Но тоски надеждой не перешибешь...» (Устои. 1882. № 2. 2-я паг. С. 147).

В результате цензурных придирок и крайне тяжелого материального положения редакция «Устоев», едва дотянув до конца подписного 1882-го года, вынуждена была прекратить выпуск журнала.

История журнала «Устои» – его литературно-критическая и литературно-эстетическая позиции, общественные взгляды сотрудников, проблематика публицистических статей – наглядно демонстрирует один из самых непростых этапов развития народнической идеологии: пессимистические настроения, понимание иллюзорности политических надежд, возлагаемых на крестьянство. Публицисты-народники 80-х годов уже не видели в Толстом, в его философских воззрениях потенциальной угрозы. Создавая «красивые, благородные теории христианской любви», писатель не на словах, на деле пытался помочь простому народу. Однако автор «Войны и мира», как и сами народники, оказался не в силах ответить на животрепещущие вопросы современности. Предлагаемые им смирение и всепрощение, с точки зрения редакции, представляли тупиковый путь решения наболевших общественных проблем (Устои. 1882. № 2. 2-я паг. С. 146–147).

И «Русское богатство», и «Устои» являли собой определенные этапы эволюции взглядов и стремлений представителей литературного народничества. Непростыми обстоятельствами общественной ситуации были обусловлены и те нечастые обращения к творчеству именитого писателя. Критики и публицисты народни-

ческих изданий (учитывая, что основной состав сотрудников рассматриваемых журналов был практически одним и тем же), нисколько не сомневались в мастерстве и художественном таланте Толстого, тем не менее, признавали за его произведениями лишь историческое значение. Ведущая роль в литературном процессе 80-х годов, по их твердому убеждению, безоговорочно принадлежала писателям «нового поколения», выросшим в народной среде, знающим стремления и желания простого народа. Теории христианской любви и всепрощения, разрабатываемые Толстым, как в художественных, так и в публицистических произведениях, также не нашли сочувствия у представителей народнической журналистики 80-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбанев, Н. А. Лев Толстой – художник и мыслитель в литературной критике XIX–XX веков / Н.А. Горбанев. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 1983. – 78 с.
2. Козлова, О. А. Личность и творчество Льва Толстого в оценке демократической журналистики 70-80-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Козлова. – Волгоград, 2004. – 215 с.
3. Козьмин, Б. П. Из истории революционной мысли в России: Избр. труды / Б.П. Козьмин. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 767 с.
4. Переселенков, С. К истории журнала «Устои» / С. Переселенков // Современник. 1923. № 2. – С. 151–159.

NARODNIK JOURNALISM ABOUT LEO TOLSTOY

Olesja Aleksandrovna Kozlova

Candidate of Philology (PhD),
Docent of the Department of Journalism and Media Communications,
Volograd State University
stilvolsu@mail.ru
University Avenue, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the reception and interpretation of literary and publicist works of L. N. Tolstoy by narodnik's magazines of the beginning of the 80th years – “Russkoe bogatstvo” and “Ustoi”. On the material of the publicistic and literary critiques articles N. N. Zlatovratsky, A.M. Skabichevsky, S. A. Vengerov, etc. the author considers including political, literary and critical positions the narodnik's magazines.

Keywords: L.N. Tolstoy, “Russkoe bogatstvo”, “Ustoi”, narodnik, the literary criticism, democratic journalism